

СОЧИНТЕЛЬ И ЕГО ТЕКСТ

Авторская оценка жанра романа литераторами XVIII века

© Е.М. ДЗЮБА,
кандидат филологических наук

В русской литературе 70-80-х годов XVIII века появились эпические сочинения особого рода, которые принадлежали перу М.Д. Чулкова, М.И. Попова и В.А. Левшина. Жанровая природа их сочинений в литературоведческой науке в разные периоды определялась неоднозначно. Для современников Чулкова, Попова и Левшина роман и сказка в жанровом отношении находились в одной плоскости эстетического осмысления, так как в XVIII веке сказкой называли различные виды прозы.

Роман всегда оставался территорией второстепенного творчества, расположенного за пределами классической поэтики. М.В. Ломоносов в “Риторике”, уравнивая романы и сказки в жанровых характеристиках, не оставлял для них места среди сочинений, несущих в себе “добрые нравы” [1. С. 207]. А.П. Сумароков отказывал роману даже в возможности стать развлекательной литературой, ибо чтение романов – это “погубление времени” [2. С. 374–375].

В начале XIX века отечественная историко-литературная наука все еще относила жанр романа к второстепенной литературе, указывая на

общую *вымышленную* природу романа и сказки. А.Ф.Мерзляков в раздел “Романы” “Краткой риторики” (1809) поместил все известные видовые варианты “вымышленного повествования”, то есть повести и сказки [3. С. 69]. Н.И. Греч фактически поставил знак равенства между понятиями “исторический роман” и “сказка” [4. С. 325].

Роман предлагалось воспринимать как вымышленное повествование, “баснословную” (с включением мифологии) историю в XVIII и на рубеже XIX века. Кроме того, теоретико-литературная наука этого периода пыталась обнаружить в каждом новом жанровом образовании некую неизменную сущность – уже известную жанровую природу, найти модель, черты которой воспроизводил новый жанр (например, героическая поэма, рыцарский роман, фольклорная сказка, “романтическая” поэма).

В период становления роман в России, безусловно, испытал влияние западноевропейских образцов жанра. Заметный вклад в формирование представлений о жанре романа внесли журнальные публикации и деятельность переводчиков, таких, как И. Елагин, Д. Фонвизин, Ф. Полонский, И. Крюков и др. Следовательно, к моменту появления сочинений Чулкова, Попова и Левшина отечественные авторы, писавшие романы, могли оценить свои сочинения с позиции нравственной пользы, а также попытаться определить и его жанр.

Процессам усвоения чужого опыта и накоплению собственного посвящена коллективная монография “История русской переводной художественной литературы”, написанная в конце XX века [5].

В отечественном литературном процессе последней трети XVIII века сложилась непростая ситуация, которая не только отражала специфическое положение романа в русской литературе, но и требовала авторского отношения к жанру сочинения. В силу этих особенностей, как нам кажется, наиболее точное определение жанра произведений XVIII века мог дать только сам автор текста.

Сборник М.Д. Чулкова “Пересмешник”, в состав которого вошли “Словенские сказки” и “Сказка о рождении тафтяной мушки”, оценивался в литературоведческой науке как пародия на романский жанр. Если Ломоносов ставил знак равенства между сказками и романами, то Чулков оговаривался, что сказка – сочинение, не связанное с условностями жанра, а потому более свободно по своей природе, чем роман. Он говорил, что фантазия романиста относительно реальной биографии героя может завести его далеко; тогда как повествователь-сказочник может обойтись без романских украшений: “А я <...> как сказываю сказку, то без всяких пышных украшений буду продолжать мое повествование сначала” [6. С. 154].

В тексте “Сказки о рождении тафтяной мушки” возникает оппозиция *роман – сказка*, а не соположение этих понятий. Причем, знакомый ему роман осмысливается как жанр лживый, но и сказка в том смысле,

в котором Чулков использует это понятие, не имеет отношения к аналогичному фольклорному жанру. Создавая пародию на роман, стремясь к циклообразующему единству, М.Д. Чулков отрицал старые и создавал новые целевые установки для романа.

На наш взгляд, доказательством этого может служить появление двух рассказчиков, ведущих самостоятельные повествовательные линии в сборнике “Пересмешник” – *Ладона и монаха*; два плана повествования внутри “Сказки о рождении тафтяной мушки” (пародия на роман и “своя” сказка); мифологические и исторические комментарии, синтезированные со сказочными формулами текста “Словенских сказок”. При этом в “Пересмешнике” формируется один из главных принципов нового романного повествования – *болтовня с читателем*. Этот прием уравнивает короткую дистанцию между автором и читателем, а также “перекидывает” мостик к новому роману Чулкова “Пригожая Повариха.”

В тексте “Пересмешника” Чулкова можно обнаружить, с одной стороны, “ложную авторскую лабораторию”, а с другой – настоящую мастерскую. Приведем лишь один пример, демонстрирующий этот прием Чулкова: “Сие нравоучение [сетование Неоха, одного из персонажей, о переменчивости счастья. – *Е.Д.*] *поставлено тут некстати*, но это самое и красота книги; стихи украшает рифма, а романы и сказки украшаются нравоучением, *поставленным некстати*, и еще больше занятым у какого-нибудь хорошего сочинения.

По правилам сочинения романов или сказок в сем месте должно описывать разлуку любовников, как они проклинают свою жизнь, желают всякий раз смерти <...> Но я последую здравому рассуждению и буду сказывать то, что больше с умом и природою сходно” [6. С. 173–174. Курсив наш].

Наличие невероятного, чудесного в текстах “Пересмешника” и отсутствие этих свойств в “Пригожей поварихе” отнюдь не мешают выявлению общих черт, свойственных сочинениям М.Д. Чулкова. Существенным свойством всех его романов стало тяготение к мифопорождающему творчеству, свойственному всему XVIII веку русской литературы [7. С. 37–38].

М.Д. Чулков, на наш взгляд, создал в “Словенских сказках” поле для эксперимента с жанром романа. Та “сказка”, которую сочиняет его рассказчик Ладон, уже содержит в себе материал для появления новой разновидности романа, в центре внимания которого окажется славянская мифология и история.

Только М.И. Попов назвал свое сочинение “Славенские древности, или Приключения славенских князей” *романом*. Историко-литературная ценность сочинения М.И. Попова связана не столько с введением в текст “Славенских древностей...” сведений по истории жизни славянских племен, исторических концепций и словаря “древнего славенского языческого баснословия” в конце книги, сколько с фрагментами поле-

мической направленности в тексте произведения и размышлениями автора над свойствами жанра сочинения.

Размышление над собственным художественным творением является фактом, зафиксированным текстом М.И. Попова. Идея обозначить жанр в тексте сочинения, объяснить читателю (в том числе, коллеге по ремеслу), что же он пишет, пришла к автору во второй части “Славенских древностей...”, где сами персонажи дают жанровые характеристики повествованию: *повесть* – “повесть его меня весьма увеселила”; *история* – “вот история моя, о которой хотел я вас уведомить”; *повествование* – Бориполк благодарил Видостана “за его повествование” [8. С. 94, 96]. В тексте “Славенских древностей...” повествовательная эпическая стихия закрепляется Поповым (повесть, повествование, история, “приключения славенских князей”). Но в Предупреждении ко второй части книги М.И. Попов изменил жанровое обозначение для подобного рода сочинений: “За нужное счел я изъясниться перед моими читателями <...> Намерение мое, услужить обществу посильным трудом, было мне побуждением сочинить **сию сказку, или так называемый роман** <...> я ее украсил некоторыми нашими Древностями <...> к описанию коих прибавил я **несколько вымыслов** <...> *присовокупил: или Приключения Славенских князей, что ясно означает роман, а не историю о наших Древностях*, как некоторые мнили найти [полужирный – наш; курсив – М.И. Попова. – Е.Д.]” [10. Ч. II. Предупреждение].

В Предупреждении М.И. Попова ясно обозначена природа его текста – *сказка, вымысел, приключение*, то есть *роман* – при этом обнаруживается доминанта вымысла, фантазии, которую позднейшие писатели считали одним из основных признаков жанра. Именно поэтому в Предупреждении указывалось на оппозицию *роман-история (вымысел – правдивое изображение)*, которая, по традиции XVIII века говорит о жанровом характере текста. Эта же оппозиция выведена в заглавие, но, по мысли М.И. Попова, именно подобное сочетание образов – *древности/история – вымысел/приключения* – должно снять все недоумения в процессе знакомства читателя с романом. В целом же, М.И. Попов сохранил в своем романе все те признаки, которые свойственны и сочинениям М.Д. Чулкова: *авторская реконструкция модели древнего славянского мироустройства, осуществляемая в романах традиционного волшебного-рыцарского и авантюрного сюжетно-композиционного клише; включение в текст легендарно-мифологических сведений о расселении славян.*

Определяя жанровую природу “Русских сказок” В.А. Левшина, литературоведы достаточно осторожны в выборе конкретных характеристик, по сравнению, например, с оценкой “Славенских древностей...” М.И. Попова [9, 10, 11].

Авторская позиция по отношению к текстам подобного рода содержится в Предисловии к изданию “Bibliothek der Romane”, переводчиком

которого В.А. Левшин был: “Романы были первые книги большей части народов. Они содержат вернейшие изображения наших времен, наших обычаев, пороков и добродетелей. Они суть толико же изображение нравоучительных картин, где истина скрывается под покрывалом выдумки. Дичайшие орды, равно как просвещенные народы, имеют оные собственные” [12. Ч. 1. С. 3–4].

“Русские сказки” В.А. Левшина появляются как итог размышлений над процессом становления эпических жанров в западноевропейской литературе. «Я заключил, – пишет он в “Известии”, предвещающем “Русские сказки”, – подражать издателям, прежде меня начавшим подобные предания, и издаю сии сказки Русские, с намерением сохранить сего рода наши древности, и поощрить людей, имеющих время, собрать все оных множество, чтобы составить Библиотеку Русских Романов» [13. Ч. 1.С. 139].

В Предисловии Левшина и в названии издания пересекаются традиционные для этого периода определения жанра: **романы** – западные, а отечественные тексты – **сказки** и **приключения**, оценивавшиеся в литературе XVIII века как жанровый аналог собственно романа. В самом же тексте “Русских сказок” в центре внимания автора оказывается народная “история”, что, на наш взгляд, подтверждается преобладающим компонентом содержания текстов. Как и в сочинениях Чулкова и Попова, мы обнаруживаем у Левшина стремление к использованию “легендарного” материала (“Повесть о золотом сосуде”), исторических концепций, данных в контексте образной системы былины и сказки. Сравнив тексты произведений и задачи, которые поставили перед собой сами авторы, мы пришли к выводу о существовании в русской литературе 70–80-х годов XVIII века особой жанровой ситуации, при которой могла идти речь о становлении новой разновидности оригинального русского романа, опирающегося на древнюю историю, национальную мифологию – древнюю и порождаемую современным авторам обществом. Сказочный или былинный сюжет, элементы фантастического в структуре сочинений Чулкова, Попова и Левшина являются сигналом жанрового ориентира, а роль видовой доминанты текста играет синтез исторической канвы повествования и мифопоэтической обработки этого материала, который и диктует формальные приемы изображения. Таким образом, собственно литературный механизм создания текста отражает переходное состояние жанра, который по своей внутренней сути направлен к жанру романа.

Литература

1. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится Риторика // Соч. В 8 т. СПб., 1895.

2. *Сумароков А.П.* О чтении романов // Трудолюбивая пчела. СПб., 1780.
3. *Мерзляков А.Ф.* Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. М., 1809.
4. *Греч Н.И.* Чтение о русском языке. СПб., 1840.
5. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Проза. СПб., 1995.
6. *Чулков М.Д.* Пересмешник. М., 1988.
7. *Лотман Ю.М., Минц З.Г.* Литература и мифология // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981.
8. *Попов М.И.* Славенские древности, или Приключения славенских князей. СПб., 1770–1771.
9. *Троицкий В.Ю.* Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982.
10. *Лотман Ю.М.* “Слово о полку Игореве” и литературная традиция XVIII – начала XIX века // *Лотман Ю.М.* О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб.
11. *Корепова К.Е.* У самых истоков. Вступительная статья // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001.
12. Библиотека немецких романов. Переведена с берлинского 1778 года издания Всл. Левшиным. М., 1780.
13. *Левшин В.А.* Русские сказки, содержащие Древнейшие повествования о славных Богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти Приключения. М., 1780.

Нижний Новгород

